

РОССИЙСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

06 | 2009

WWW.ISTRODINA.COM

СКАЗКА
О ПОРАБОЩЁННЫХ
НАРОДАХ

ВАТУТИН ПРОТИВ
МАНШТЕЙНА

ОДЕЖДА
КУЗЬКИНОЙ
МАТЕРИ

ГОД
БОЛГАРИИ
В РОССИИ

ISSN 0235-7089
#7702357080021 06

На обложке:
Кафедральный храм-памятник Александра Невского в Софии.

Номер подготовлен при содействии Министерства экономики и энергетики Республики Болгария

Координаторы проекта:
Г. А. Луконина (начальник отдела спецпроектов),
М. В. Кудрина (ЦПРБ)

Редакция выражает благодарность Центру промышленности Республики Болгария в Москве в лице Малины Божиновой;
Мэрии города Софии;
Тони Алексиеву.

При подготовке номера использованы материалы сайта <http://premier.gov.ru>

Подписаться на журнал «Родина» можно по каталогам: «Роспечати» (индекс 73325), «Почта России» (индекс 63436), Объединённому (индексы 40687, 16398)

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ООО «Компания «Родина-пресс»
Генеральный директор Маркарян В. Л.
Т./ф. (499) 242 89 04
E-mail: inbox@rodinapress.ru, mvl@rodinapress.ru

Отдел подписки:
697 45 36
(С. М. Бусуёк).

E-mail: istrodina@mail.ru

Зарегистрировано Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 291 от 24 августа 1994 г.

ISSN 0235-7089

Индекс издания 73325
Отпечатано ОАО «Смоленский полиграфический комбинат». Заказ № 22808
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1

ГОД БОЛГАРИИ В РОССИИ

Выставка «Болгария сегодня»	2
Пётр ДИМИТРОВ <i>Болгария — Россия: стратегическое партнёрство</i>	5
<i>Болгария в цифрах</i>	7
Малина БОЖИНОВА <i>25 лет Болгарскому центру промышленности</i>	10
<i>Рынок недвижимости Болгарии. Выход в плюс</i>	15
<i>Болгария — страна четырёх сезонов</i>	16
<i>София растёт, но не стареет</i>	20
<i>Города Болгарии</i>	22
Юлияна ТОМОВА <i>Интерес к болгарским традициям</i>	23
Константин НИКИФОРОВ <i>Десятая война 130 лет спустя</i>	25
Павел ЛУКИН <i>Болгария и болгары на Балканах</i>	26
Елена БЕЛОВА <i>«Я вам руки не связываю»</i>	33
Ваня РАЧЕВА <i>Непритетным образом</i>	37
Нина ДЮЛГЕРОВА <i>Восточный вопрос: русская парадигма</i>	41
Дарина ГРИГОРОВА <i>«Дело славян нам дорого»</i>	43
Максим АНИСИМОВ , Ирина РЫБАЧЁНОК <i>Заветная мечта князя Фердинанда</i>	46
Григорий ШКУНДИН <i>Не замочить ли нам Кобурга?</i>	54
Инна МАНАСИЕВА <i>Скромное обаяние киевской буржуазии</i>	60
Виктор КОСИК <i>«Там Плевен, Шипка и Балканы в нас не померкнут никогда»</i>	63
Татьяна БОРИСЕНКО <i>Россия — Болгария</i>	68

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Владимир ПЕЧАТНОВ <i>Операция «Порабощённые народы»</i>	74
Борис МИРОНОВ <i>Причины русских революций</i>	80
Николай ПАВЛЕНКО <i>Воспоминания историка</i>	82
Юрий БОРИСЕНКО <i>Как белый аист уткой обернулся</i>	84

МИНУВШЕЕ

Марина РЫБЛОВА <i>Казачьи братства на Дону</i>	90
Айтуган АКМАНОВ <i>Двухаршинные столбы для «полюбовного развода»</i>	92
Маргарита СИЛАЕВА <i>Дорогой Никош</i>	95
Дмитрий ОЛЕЙНИКОВ <i>«Толстый» Бенкендорф и «тонкий» Дельвиг</i>	99
Екатерина ЗАЙЦЕВА <i>«Не откуда же нибудь из-за моря...»</i>	100
Виталий ИВАНОВ <i>Образцовый губернатор</i>	101
Лев АННИНСКИЙ <i>Киров. Калужская глубинка</i>	103
Наталья ГОРСКАЯ <i>Парадоксы крестьянской юстиции</i>	105
Александр ПЕТРУШИН <i>У чёрта на куличках</i>	107
Арсений ЕРМОЛОВ <i>«Вспомним, как на Запад шли по Украине...»</i>	109

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Руслан СЕФЕРБЕКОВ , Ильяс МАГОМЕДОВ <i>Когда охотник вышел прогуляться</i>	114
Владимир ШКЕРИН <i>Кавказские воды. Сезон 1832 года</i>	116
Геннадий АЛЕКСАНДРОВ <i>«Воспитанники Казанской семинарии очень развиты...»</i>	118
Наталья ЛЕБИНА <i>Во что одеть «кузькину мать»?</i>	122
<i>Подсолнухи Павла Миткова</i>	128

Учредители:
Правительство Российской Федерации
Администрация Президента
Российской Федерации

Журнал основан в 1879 году

Генеральный директор ФГУ
«Редакция журнала «Родина»
В. В. Зубкевич

Главный редактор
Ю. А. Борисёнок

Редакционный совет:
Г. В. Вилинбахов, председатель Геральдического совета при Президенте РФ,
зам. директора Государственного Эрмитажа
А. Н. Кирпичников, доктор исторических наук
М. А. Колеров, кандидат исторических наук
А. С. Кулешов, зам. начальника управления Главного управления специальных программ Президента РФ
Ю. А. Левенец, академик, директор Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины им. И. Ф. Кураса
Н. А. Макаров, член-корреспондент РАН, директор Института археологии РАН
Г. Ф. Матвеев, профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
С. В. Мироненко, директор Государственного архива РФ
К. В. Никифоров, директор Института славяноведения РАН
Е. И. Пивовар, член-корреспондент РАН, ректор РГГУ
П. В. Стегний, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
Д. О. Швидковский, ректор МАРХИ, вице-президент Российской Академии художеств
А. О. Чубарьян, академик, директор Института всеобщей истории РАН
В. Л. Янин, академик РАН

Редакция:
Л. А. Аннинский, обозреватель
С. Г. Антоненко, редактор отдела истории религии
Т. О. Максимова, зам. главного редактора — ответственный секретарь
А. И. Ольденбургер, главный художник
А. Е. Петров, редактор отдела древней истории
Т. А. Филиппова, зам. главного редактора — шеф-редактор
С. А. Экштут, зам. главного редактора

В. В. Остроухов, координатор Попечительского Совета
тел.: 697 94 47; факс: 697 88 67
e-mail: sovnet@istrodina.com

В. Г. Иванов, директор по маркетингу и рекламе
тел.: 697 52 17

Информационно-аналитический отдел:
И. В. Березин, старший координатор
Т. Н. Бамбышева, Н. Н. Бунева, С. М. Давыдова,
Л. Е. Добарина, А. А. Казимиров, Н. А. Силаева,
Н. Н. Чембулат

Редакторы отделов:
А. В. Ганин, военной истории
С. В. Кудряшов, архивного дела

А. А. Багаутдинов, фоторедактор
В. С. Бондарев, обозреватель
В. П. Грицюк, руководитель фотослужбы
Ю. Ю. Козырев, специальный фотокорреспондент

Собственные корреспонденты:
Л. М. Ермакова, по Уралу и Сибири
А. И. Филишкин, по С.-Петербургу и Северо-Западу России

В. А. Алексеев — системный администратор
М. Е. Кузнецова,
Е. С. Яценко — вёрстка
Л. С. Макарова,
С. В. Полехов — корректура
В. В. Немчинова — оператор набора
В. П. Жбанов — зав. редакцией
С. С. Прохорова — зав. приёмной
Д. Ю. Таскаев, О. В. Цветкова — бухгалтерия

Адрес редакции: 127025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.
тел. 697 73 98, факс 697 75 98.

Рукописи не возвращаются.

©Все печатные и иллюстративные материалы являются собственностью журнала «Родина».

НЕПРИМЕТНЫМ ОБРАЗОМ

*Начало болгарско-российских
политических контактов
при Александре I*

Первая половина интересного и бурного XIX века — это время оформления и практического развития российской доктрины по Восточному вопросу. Вопрос о статусе Проливов из геополитической проблемы защиты южных российских границ превращается в основную стратегическую и внешнеполитическую цель России в Европе. И российская мечта о Чёрном море и Проливах именно с начала XIX века становится политикой.

В большой политике нередко существует различие между официальной стратегией и её практическим осуществлением. Амбиции, планы и проекты по Восточному вопросу часто зависели от личностных факторов и соотношения сил в правящих кругах европейских столиц и Петербурга.

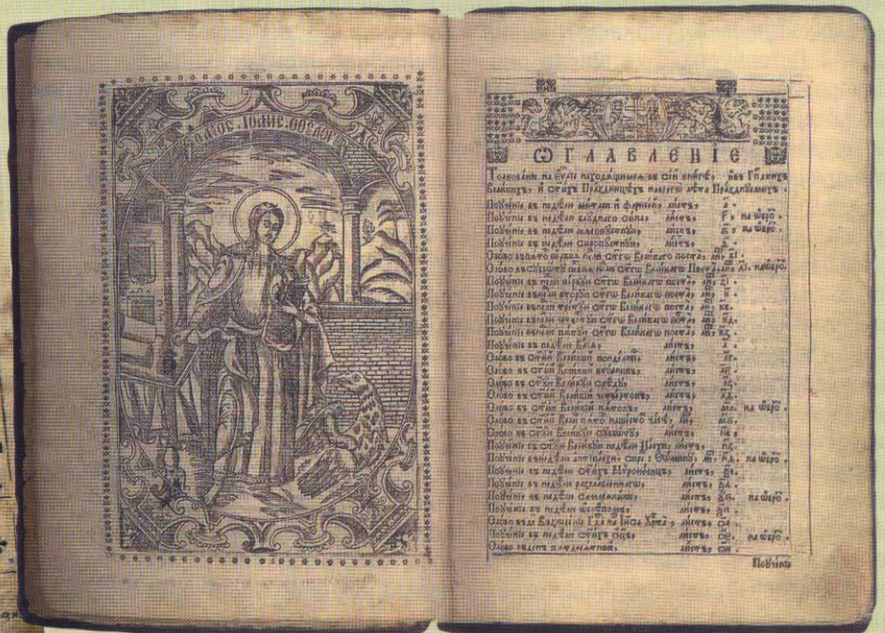
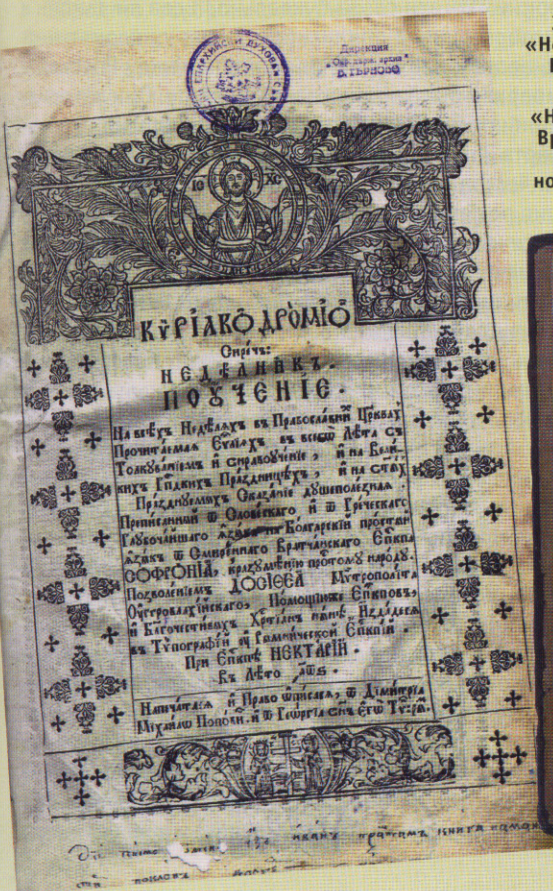
Весьма любопытно, что начало политических контактов болгар с правительственными и военными структурами России происходит именно на фоне быстро меняющейся реальности первого десятилетия XIX века, накануне и во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. В ноябре 1804 года в Петербурге появились два болгарина — Иван Замбин и Атанас Некович. Они посетили генерала от кавалерии Ивана Горича и просили у него содействия для подачи прошения от имени соотечественников российскому правительству об оказании покровительства болгарам в Османской империи. Крат-

Софроний Врачанский (1739–1813).

Заглавная страница
«Недельника» Софрония
Врачанского. 1806 г.

«Недельник» Софрония
Врачанского — первая
печатная книга на
новоболгарском языке.

кие сохранившиеся сведения об этом визите сообщают, что эти двое не обладали необходимыми полномочиями, чтобы обращаться к властям на легитимной основе, и формально им было отказано в дальнейших контактах, пока гости не представят соответствующих документов.

Балканская действительность первого десятилетия XIX века даёт достаточно примеров попыток добиться российского покровительства, российского подданства или какого-то привилегированного статуса в рамках Османской империи при гарантии России — всё это можно определить как популярную и общепринятую для того времени терминологию. Вот несколько примеров. Летом 1804 года карловацкий сербский митрополит Ст. Стратимирович тайно переправил в Петербург политический трактат, в котором призывал к российскому посредничеству для Сербии наподобие прав автономной Ионической греческой республики. В октябре того же года новосадский сербский епископ Йован Йованович направил прошение Александру I, в котором от имени сербов, болгар и валахов просил русского императора принять их в «вечное подданство и покровительство». А осенью 1804 года, то есть в то время, когда в российской столице находились два болгарина, сербская повстанческая депутация добивалась гарантий расширения привилегий Белградского пашалыка в условиях разгоравшегося там конфликта. Сербские «народные избранники» были уполномочены вождами восстания и снабжены напечатанной и подписанной 28 августа 1804 года грамотой от «всего сербского народа», в которой им поручалось добиваться российской помощи по своему усмотрению. Русские консулы в Дунайских княжествах выдали необходимые документы для беспрепятственного и тайного передвижения через территорию Валахии и Молдавии под видом русских купцов¹.

Была ли какая-то связь между двумя этими делегациями? Или подробности тайного путешествия сербских депутатов в Россию позволяют предположить, что Замбин и Некович предприняли свой вояж под их влиянием? Иван Замбин был родом из Враца, а Атанас Некович — из Тетевен. Вероятно, после того как их родные места были сожжены турками в 1800–1801 годах, они эмигрировали в Валахию и занимались там торговлей. Документы показывают, что эти двое обладали завидной для того времени осведомлённостью о положении в Валахии и Молдавии, на северо-западных болгарских и сербских землях, а также отслеживали политические интересы и действия великих держав. Вполне вероятно, что их первые контакты с Россией имели место раньше 1804 года. В их немногих сохранившихся письмах упомянуты имена болгарских купцов, живших в Петербурге, с которыми они поддерживали контакты. Генерал Горич счёл, что они обладают «способностями к работе на общую пользу», и предлагал им по возвращении в Валахию и Молдавию информировать российское правительство о происходящих там политических переменах².

Стоит полагать, что среди мотивов отказа властей рассматривать просьбу двух болгар осенью 1804 года отсутствие формальных бумаг, подтверждающих истинность их намерений, не было главным. Замбин и Некович сначала появились в России с желанием переселиться в Новороссию. Ещё в декабре 1804 года граф Кочубей (до ноября 1807-го — министр внутренних дел) обращался к одесскому военному губернатору дюку де Ришелье, чтобы им выделили землю для переселения. Как известно, в Новороссии славянским переселенцам даровали государственные земли и предоставляли существенные налоговые льготы. Эту политику Екатерины II продолжил её внук Александр I, разрешив 5 января 1802 года своему правительству нанимать торговые суда для перевоза болгарских колонистов. А специальным указом от 20 февраля 1804 года царь подтвердил прежние льготы переселенцам.

Но вскоре Замбин и Некович изменили свои намерения и вместо того, чтобы обосноваться в Крыму, направились в Петербург. Там они попытались получить помощь для своих соотечественников. Они задались целью получить необходимые полномочия от епископа Софрония Врачанского (1739–1813), «чтобы... доставлены были к нам неприметным образом нужные грамоты о делах общепользных, которые могли бы мы подать министерству российскому и испрашивать удовлетворения согласно мирному трактату, заключённому между Империею всероссийскою и оттоманскою Портою (имеется в виду мирный договор 1774 года. — В. Р.) соответственно последовавшим актам и обстоятельствам настоящего времени»³.

Однако ожидания Замбина и Нековича не оправдались. Почти двухгодичные безуспешные попытки получить нужные грамоты у их соотечественника из Враца не нужно объяснять, как это делали наши герои, «тамошними (Османской империи. — В. Р.) военными обстоятельствами». Перемены наступили только в конце 1806 года с началом Русско-турецкой войны и оккупацией русскими войсками Валахии и Молдавии. Тогда-то российские власти профинансировали возвращение Нековича в Бухарест, где тот встретился с болгарским епископом.

Иван Замбин остался в Петербурге. Изменившаяся после 1807 года военно-политическая обстановка внесла коррективы в планы автономного развития болгар. После того как в начале 1808 года Замбин получил-таки полномочия от Софрония Врачанского, в прошении от 16 февраля он писал, что болгары жаждут от России «защиты», но не конкретизировал практические параметры, в которых эта идея должна реализоваться. В сохранившихся документах января–марта 1808-го российское покровительство, которое Замбин по-прежнему определял как желание «всех соотечественников», он выразил во фразе «да будут присоединены к России». И Софроний Врачанский высказался в похожем ключе, предположив, что русский император удостоит болгар своего покровительства, чтобы он «присоединил их под премудрое своё управление» заодно с русскими. Но стоит ли воспринимать эти слова буквально? Едва ли Замбин и Врачанский, которые умело ориентировались в дипломатических тонкостях, верили, что подобная граница между Россией и Османской империей была возможна в 1808 году. Они изъяснялись на общепринятой для того времени терминологии. В документе от 26 марта Замбин обращался к князю Куракину, прося у него заступничества для спасения болгар: «Но каким образом не болгарам сие решать»⁴.

Эта дипломатическая миссия в России не только поставила болгарский политический вопрос перед российской властью, но и достигла практического результата. Он был связан с пристальным вниманием русских дипломатов и главнокомандующего Дунайской армией к упомянутому выше болгарскому просветителю и политику епископу Софронию Врачанскому.

55-летний поп Стойко Владиславов (это имя он получил при рождении) стал врачанским епископом в сентябре 1794 года. Это событие совпало с его переездом в Арбанас и открыло возможность укрепить старые и завязать новые связи в обществе. В этом курортном местечке, расположенном поблизости от центра обширной Тырновской митрополии, с 1792–1793 годов жил его сын Иван, богатый купец, «установивший связи с влиятельными турецкими сановниками и с фанариотскими деятелями по обе стороны Дуная». Здесь Софроний укрепил прежние и установил новые отношения и с румынскими боярскими фамилиями Бранковяну, Мурузи, Вэкэреску, Караджа. Эти контакты стали причиной задержания Софрония в Видине правителем местного санджака Османом Пазвантоглу, так называемое «видинское пленение» (1800–1803). Румынские документы сообщают о свободном перемещении болгарского архиерея через

замёрзший Дунай зимой 1802–1803 годов. Тогда он посетил сёла округа Илфов в связи с совершением обряда рукоположения и столицу Бухарест для своих просветительских занятий⁵.

Содействие контактам врачанского епископа в Валахии, вероятно, оказывал и бывший игумен монастыря Меркуца Калиник, с которым Софроний водил дружбу «с давних времён». Калиник в то время был посредником при контактах отделившегося от Порты Османа Пазвантоглу с русскими представителями в Валахии, с одной стороны, и Россией и Портой — с другой. Пребывание Софрония в Валахии совпало и с переговорами между Пазвантоглу и Константином Ипсиланти об официальном рукоположении Калиника видинским епископом. Это случилось в апреле 1803-го, в том самом месяце, когда Софроний окончательно покинул Видин. А Константин Ипсиланти, бывший молдавским князем с марта 1799 по июль 1801 года, а валашским — с сентября 1802-го до августа 1806-го, был зятем Вэкэреску: с этой семьёй, как мы уже знаем, Софроний поддерживал близкие отношения⁶.

Любопытны контакты Софрония в Константинополе, установленные к тому времени через его внуков. Это интересные штрихи к портрету политического самоопределения болгарина начала XIX века. Внук Софрония Стефан Богориди, будущий советник двух султанов и политик эпохи Танзимата, начал обучение в престижном учебном заведении в Бухаресте, известном больше как Академия св. Саввы, в 1793/1794 учебном году. А с 1798 года он жил в Константинополе в качестве домашнего учителя французского языка у Александра Мурузи. Именно благодаря его протекции Стефан получил пост секретаря главного драгомана турецкого флота, с которого начался его быстрый карьерный рост в имперской политике. В русской дипломатической среде Мурузи, покровитель внука Софрония, воспринимался как доверенное лицо Порты, имеющее контакты с французским посланником в Константинополе. В момент первого посещения Софронием Валахии в феврале 1802 года именно Мурузи был валашским князем.

Вероятно, осторожность была причиной того, что Софроний Врачанский в своих разговорах с русскими дипломатами в Бухаресте в декабре 1809 года заявлял, что он помогает русским войскам, но не под своим именем. Он ссылался на опасность, которая может угрожать его сыну (и внукам) в Константинополе, и указывал, что в переписке со своими тамошними друзьями использует имя белградского епископа⁷. Сейчас трудно дать точную оценку характера контактов врачанского епископа в османской столице в 1809-м. Но именно летом этого года он завершил обширный перевод с греческого политического трактата Амбросия Марлиана, озаглавленный Софронием «Гражданское позорище». К этому тексту, который обозначил принципы просвещённого абсолютизма и был интересен не только элитам, но и служил цели политического просвещения обычных людей, болгарский книжник проявлял интерес ещё во время пребывания в Видине. Он не случайно завершил и подготовил к печати свой перевод именно в тот год, когда его внук оказался в составе османского посольства в Лондон, о чём сообщал хорошо информированный дипломатический чиновник и переводчик российского посольства в Константинополе Фонтон. Связан ли был интерес Врачанского в деле издания этого перевода главным образом с внутренними делами Османской империи, в частности со вступлением на престол Махмуда II (1808–1839)⁸, или же с растущей надеждой на изменение положения болгар (в связи с военными действиями русских на Дунайском фронте), покажут будущие исследования.

Бесспорно, что епископ Софроний приобрёл исключительную популярность среди болгар в Валахии и в Османской империи после изданного им труда «Кириакодромион, сиречь Не-

дельник» (1806). Этот сборник содержал самые необходимые церковные поучения разговорным языком для удобства богослужений обыкновенным христианам⁹.

Летом 1808 года Софроний Врачанский, живший на окраине Бухареста и ведший «квесма уединённую жизнь», наладил первые официальные контакты с русскими военными властями в лице командующего корпусом в Валахии генерала М. А. Милорадовича. Формальным поводом для встречи стало выявление лиц, которые стояли за миссией Замбина и Нековича. Практически это знакомство положило начало последовательному политическому содействию болгарского владыки в 1809–1810 годах, вдохновлявшему болгар на помощь различным российским акциям непосредственно на театре боевых действий. Особенно активные контакты с Софронием через посредничество упомянутого выше Фонтон установили главнокомандующие Дунайской армией генералы П. И. Багратион и Н. М. Каменский. Встречи проходили тайно при посредничестве Манук-бея Мирзояна, который был «прекрасно осведомлён о всём, что лично касается Софрония». Этот бывший драгоман в Порте при Мустафе-паше Байрактаре (1808) имел земельные владения в Валахии и Бессарабии и был «совершенно предан России». Советский историк В. Д. Конобеев писал, что идея о возвращении к болгарам, подписанном болгарским архиереем, в котором разъяснялось, что русские войска идут спасти христиан от турецкой власти, была внушена русскому командованию именно Манук-беем¹⁰. Продолжительные военные кампании русской армии совпали со стихийными вооружёнными усилиями болгарской эмиграции на болгарском участке Дуная. Сохранились два печатных воззвания 1810 года к болгарам с призывом оказать поддержку русской армии, которые связывают с Софронием, но не доказано, что они подписаны именно им. Известны и разъяснения врачанского епископа насчёт возможной болгарской военной помощи в районе Тырново, но при гарантированной русской защите в боевых условиях.

Новый этап политической деятельности Софрония начался после назначения 15 марта 1811 года главнокомандующим Дунайской армией генерала М. И. Кутузова. Впечатляет активное вмешательство Софрония в решение проблем болгарских беженцев в Дунайских княжествах. Известна политика главнокомандующих Багратиона и Каменского, направленная на переселение болгар с Дуная с целью заселения христианами южной России¹¹. Поток болгарских беженцев в Валахию особенно усилился после 1809 года и был связан с военными действиями. Но массовое переселение случилось именно в период, когда главнокомандующим русской армией был Кутузов. Поводом к эмиграции было не только ведение боевых действий на болгарской территории, но и заманчивые обещания привилегий в новых поселениях. Болгары компактно заселяли области около городов Браила, Турно Мэгурели, Гюргево, Галац. Большею частью это были монастырские земли или бывшие турецкие владения с неурегулированной формой собственности. Из опубликованных документов известно, что к 1811 году болгары-беженцы в Валахии имели развитое хозяйство, получали доходы, с которых отказывались платить налоги, строили пивоварни и водяные мельницы¹².

Кутузов убедился, что усилия по переселению болгар в Россию «против их желания» не приведут к сколько-нибудь значительному успеху. Взамен он предлагал переселение болгар на время военных действий и отделение их в «особенные колонии для поселенцев», которые будут находиться в ведении определённых главнокомандующим специальных приставов и не будут зависеть от властей Дунайских княжеств. Кутузов заговорил об этих особых болгарских поселениях после прошений самих болгар и в соответствии с инструкцией о заключении мира с Высокой Портой, по которой новая граница должна была пройти по Дунаю. В письме министру иностранных дел графу Румянцеву от

27 мая 1811 года он упоминал, что эти распоряжения не обсуждаются, когда же станет необходимо, «с неким принуждением» болгары будут переселены туда, куда нужно. За устройство болгарских переселенцев отвечал статский советник Коронели¹³.

Эти идеи получили отклик среди христиан двух дунайских стран, которые при содействии Врачанского и участия Кутузова получили «письменное уверение» в том, что Россия не оставит их в руках турок. Вероятно, именно в то время Софроний представил в Бухаресте от своего имени и «при согласии всего общества» «Записку» на имя Кутузова, датированную 29 мая 1811 года¹⁴. Поводом к её написанию стало дело болгар-католиков, эмигрировавших в Малую Валахию (тогда в пределах Австрийской империи) веком ранее. «Записка» 1811 года содержит конкретную и актуальную идею предоставления территориальной, культурно-образовательной и судебной автономии болгарским беженцам в Валахии. Предполагалось, что болгары будут обособлены в рамках Российской империи посредством перемещения за границу реки Дунай. Территория, которую очертил Софроний, охватывала районы «по левому берегу реки Дунай, начиная от Турну, Зимница, Слободзия, Гюргево, Браила, Галац и других мест». Включаться в «жители этой автономной области свободно должны все дунайские болгары, а также и те, «которые в разное время опустили родные места и переселились в Молдавию и Валахию, где пребывают под различным подчинением». Предусматривались покровительственные меры для улучшения экономического развития и «одинаковые права» с русскими купцами. Болгарские церкви и училища должны были пользоваться государственной поддержкой, при этом обладать исключительно болгарским национальным составом и административной независимостью от валашских чиновников. Усилия Софрония Врачанского и примкнувших к нему болгар создавали теоретическую возможность автономного развития всех болгар: одна национально обособленная область на чужой территории могла стать тем форпостом, к которому при благоприятных международных условиях присоединятся и болгары «правого берега реки Дунай».

Проект оказался нереализуем в тогдашних политических условиях на фоне обострения ситуации в России накануне наполеоновского нашествия. Но часть идей Софрония всё-таки была воспринята. «Записка» нашла отражение в ряде последующих российских проектов (например, ноября 1811 и мая 1812 года) об улучшении положения болгарских поселенцев в Валахии и Бессарабии. Любопытен и документ от 5 июля 1811 года, озаглавленный «Положение об управлении болгарскими и другими колонистами от правого до левого берега Дуная», составленный статским советником Коронели¹⁵. Он поддерживал личный контакт с Соф-

ронием. Задуманное им автономное управление для переселенцев не входило в границы России, Коронели рассматривает эти земли как «турецкие области». Здесь предусматривались и так называемые «присутственные места». Функции местного правительства возлагались на «Комитет по управлению задунайскими колонистами», который должен был «рассматривать и решать в письменном виде дела колонистов, и который был ответствен за их хозяйственное устройство». Местные проблемы призваны были решать «словесные судилища». Конкретные предложения по составу и полномочиям органов управления следовало разрабатывать сообразно с «управлением, к которому переселенцы были привычны в своём отечестве». Проект Коронели предусматривал судебную автономию, подчинённость султану, при этом верховным арбитром становилось «центральное турецкое правительство». Духовные дела колонистов всецело доверялись «болгарскому архиерею Софронию, пребывающему в Бухаресте». В случае несогласия с его решениями или при невозможности удовлетворения поданной просьбы колонисты должны были обращаться к «угро-валашскому митрополиту», а не в Константинопольскую патриархию. Предусматривалась административная автономия, по которой поселенцы разделялись «на шесть частей». Для каждой из них комитет предлагал по одному приставу: они непосредственно назначались русским главнокомандующим, чтобы болгары не зависели от валашского и молдавского диванов. Избрание на другие должности также было прерогативой русского командования. Как видим, этот документ соответствовал военным условиям и едва ли мог быть полезен после подписания мира между Россией и Высокой Портой.

Поле Бухарестского мира 5 мая 1812 года, который не изменил политического статуса Болгарии, но подтверждал действие всех прежних договорённостей между двумя империями, идея политической автономии оставалась предметом деятельности части близких Софронию болгар. А после его смерти дело было продолжено Атанасом Нековичем и его племянником Александром, которые безуспешно пытались заинтересовать болгарским вопросом бывшего с 1819 года посланником в Константинополе Г. А. Строганова. Им всё-таки удалось ходатайствовать «об облегчении для этого несчастного балканского народа». Неопубликованные российские документы указывают на то, что переговоры между двумя болгарскими и посланником Строгановым велись о восстановлении прав и привилегий болгарских переселенцев в Дунайских княжествах, объявленных Кутузовым и «разработанных ещё в 1811 году Софронием Врачанским»¹⁶.

г. София

Перевод Александра Шишкова

Примечания

1. Достян И. С. Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972; Достян И. С., Чубрилович В. Первое сербское восстание, 1804–1813. Т. 1. М., 1980. С. 21, 50, 44–47, 63; Внешняя политика России. XIX — начало XX вв. Серия I (1801–1815). Т. 4–5. М., 1965–1967.
2. Орешков П. Наклонок документа за Пазвантоглу и Софроний Врачански (1800–1812) // СБАН. 1914. № 3. С. 45–46; Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825) // http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Podmazo/shefcom_ch.html; <http://www.kavkazcenter.com/russ/history/nagradi/>.
3. Орешков П. Цит. сч. С. 46–47; Дойнов Ст. Болгарите и руско-турските войни 1774–1856 г. София, 1987; Грачёв В. П. Към въпроса за преселването на българи в Русия в началото на XIX в. (1800–1806 г.) // Българското възраждане и Русия. София, 1981; Parvev I. Russia,

Orthodoxy in the Ottoman Empire and the Peace of Kuchuk Kainardja 1774 // Bulgarian Historian Review (BHR). 1990. № 1.
4. Орешков П. Цит. сч. С. 50–52.
5. Романски С. Болгарите във Влашко и Молдова. Документи. София, 1930.
6. Таринска Ст. Софроний Врачански, румънското общество и румънската литература // Българо-румънски литературни взаимоотношения през XIX в. София, 1980. С. 189; Dura N. New Discoveries — on the Basis of original Documentary Materials — on the Life and Activity of Bishop Sofronij Vacanski (1739–1813) in Wallachia, His Adaptive Country (1802–1813) // BHR. 1991. № 1. P. 30–31.
7. Капитанов Хр. Нови данни за Софроний Врачански като емигрант в Румъния // Език и литература. 1966. № 3. С. 71; Дойнов Ст. Цит. сч.; Орешков П. Цит. сч.; Documente privind istoria Romaniei. Т. 4. Bucuresti. 1974. С. 281, 382–384, 445, 506.
8. Конобеев В. Д., Шадохина Е. М. Из истории политических связей России с руководителями национально-

освободительного движения Болгарии в 1806–1812 г. // ИИИ. 1968. Т. 20. С. 353; Конобеев В. Д. Българското националноосвободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972. С. 127–128, бел. 152; Капитанов Хр. Цит. сч. С. 20.
9. Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М.; Л. 1947; Димитров С. Султан Махмуд II и краят на еничарите. София, 1993.
10. О просветительской деятельности Софрония см.: Софроний Врачански. Сб. исследования. София, 2004.
11. Внешняя политика России... Т. 5. С. 399–400; Конобеев В. Д., Шадохина Е. М. Указ. соч. С. 347, бел. 2, 351–356.
12. Багратион в Дунайских княжествах. Сб. документов. М., 1949. С. 92; Конобеев В. Д., Шадохина Е. М. Указ. соч. С. 360–361.
13. М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. 3. М., 1952. С. 318, 345, 868; Кутузов в Дунайских княжествах. Сб. документов. Кишинёв. 1948. С. 22, 85–86, 90; Documente privind... P. 373–374;

Велики К. Эмигрането на българите във Влахия по време на руско-турската война от 1806–1812 // Страници от миналото на българския народ. София, 1987. С. 20, 23.
13. Кутузов М. И. Сб. документов. Т. 3. С. 400, 424; Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельности А. Р. Юшневского. Сб. документов. Кишинёв. 1957. С. 21–29, 260.
14. Велики К. Политическата дейност на българската емиграция във Влахия в първите две десетилетия на XIX в. // Страници от миналото... С. 35–37; Радкова Р. Една хипотеза за исторически връзки между българската католическа и православна емиграция // 300 години Чипровско въстание (Принос към историята на българите през XVII в.). София, 1988. С. 345–346.
15. Цит. по: Конобеев В. Д., Шадохина Е. М. Указ. соч. С. 382–386.
16. Романски Ст. Цит. сч. С. 36–37; Конобеев В. Д. Цит. сч. С. 226; Велики К. Политическата дейност... С. 70.